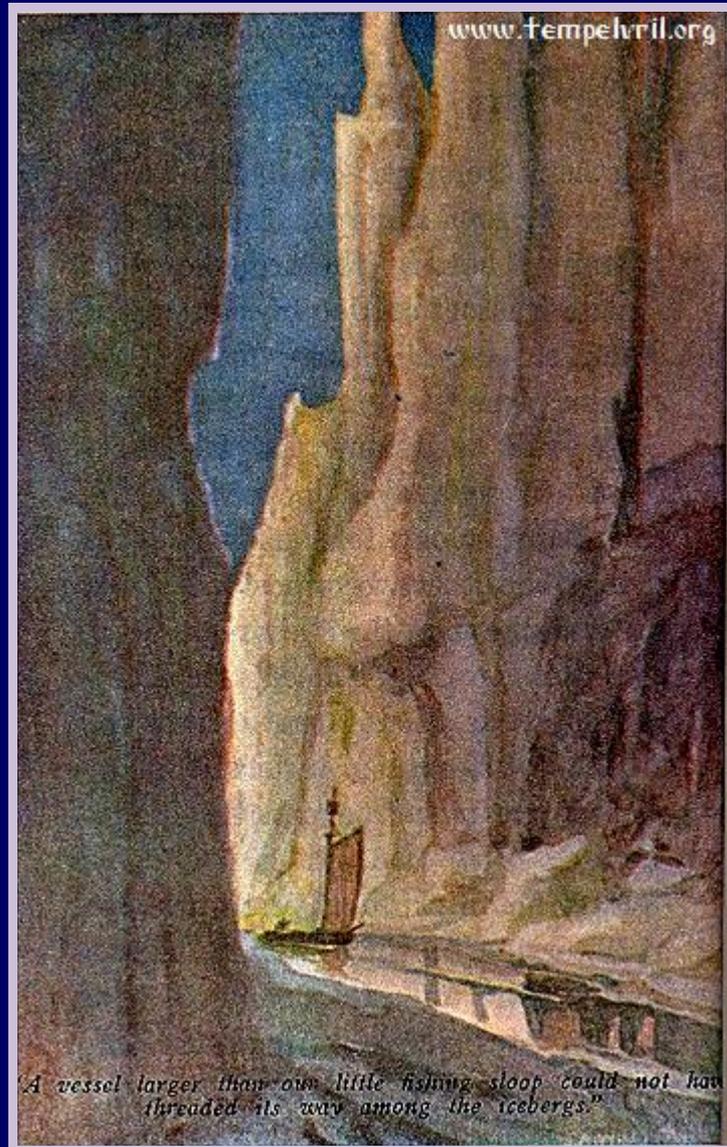

ЗАКОПЧЕННЫЙ БОГ, или Путешествие во внутренний мир

Как сказал Уиллис Джордж Эмерсон.

«Он — Бог, который сидит в центре, на пупе земли, и он — переводчик религии всему человечеству». — Платон.

www.tempelvril.org

Содержание:

Часть I.. Предисловие автора

Часть II. История Олафа Янсена

Часть III. По ту сторону северного ветра

Часть IV. В нижнем мире

Часть V. Среди льда

Часть VI. Заключение

Часть VII. Послесловие автора

Часть первая.

Предисловие автора.

Я боюсь, что невероятная история, которую я собираюсь связать, будет расценена как результат искаженного привнесенного интеллекта, возможно, как очарование обнаружения изумительной тайны, а не правдивый отчет о беспрецедентных событиях, пережитых неким **Олафом Янсенем**, красноречивое безумие которого столь обратилось к моему воображению, что вся мысль об аналитической критике была полностью рассеяна.

Марко Поло, несомненно, перевернется тревожно в его могиле от этой странной истории, которую я призван зафиксировать; эта история столь же странная как рассказ барона Мюнхгаузена. Это также несоответственно, что я, атеист, должен отредактировать историю **Олафа Янсена**, имя которого теперь впервые дано миру, и кто в будущем должен стать одним из мировых знаменитостей.

Я свободно признаюсь, что его заявления не допускают рационального анализа, но имеют отношение к глубокой тайне относительно замороженного Севера, который в течение многих столетий требовал внимания ученых и дилетантов. Однако хотя во многом они в противоречии с космографическими рукописями прошлого, на эти простые заявления можно положиться как на отчет о вещах, которые **Олаф Янсен** утверждает, что видел его собственными глазами.

Сто раз я спрашивал себя, возможно ли, что география в мире является неполной, и что потрясающий рассказ [Олафа Янсена](#) утвержден на доказуемых фактах. Читатель может быть в состоянии ответить на эти вопросы к своему собственному удовлетворению, однако летописец этого рассказа может быть далеко от того, что достиг убеждения. Все же иногда даже я затрудняюсь знать, был ли я уведен от абстрактной правды блуждающими огоньками умного суеверия, или основаны ли прежде принятые факты, в конце концов, на ошибочности. Может случиться так, что истинный дом Аполлона не был в Дельфах, а в том более старом земном центре, о котором говорит Платон: «Реальный дом Аполлона среди гипербореев, на земле бесконечной жизни, где мифология говорит нам про двух голубей, летящих от двух противоположных концов мира, встречающихся в этом далёком регионе, доме Аполлона. Действительно, согласно Гекатою, Лето, мать Аполлона, родилась на острове в Северном Ледовитом океане далеко по ту сторону Северного Ветра». Это не мое намерение делать попытку обсуждения теогонии божеств, ни космогонии мира. Моя простая обязанность состоит в том, чтобы просветить мир относительно прежде неизвестной части вселенной, как это было замечено и описано старым скандинавом, [Олафом Янсенем](#). Интерес к северному исследованию является международным. Одиннадцать стран заняты, или способствовали рискованной работе — попытке решить одну остающуюся космологическую тайну Земли. Есть высказывание, древнее как холмы: «[правда является более странной, чем выдумка](#)», и в самой потрясающей манере эта аксиома, была доставлена мне домой в течение прошлых двух недель. Было только два часа утра, когда я был пробужден от безмятежного сна энергичным дверным звонком. Несвоевременный нарушитель, оказалось, был посыльным, принёсшим записку, небрежно написанную почти на грани неразборчивости, от старого скандинава по имени [Олаф Янсен](#). После большой расшифровки я разобрал запись, которая просто говорила: «[Я смертельно болен. Приезжайте](#)». Требование было приказное, и я не стал терять времени. Возможно, я могу также объяснить здесь, что [Олаф Янсен](#), это человек, который совсем недавно праздновал свой девяносто пятый день рождения и последние 12 лет жил один в непретенциозном бунгало на Глендейльской дороге, на коротком расстоянии от делового района Лос-Анджелеса, Калифорния. Это было меньше чем два года назад, когда я шёл однажды днем, и я был привлечен домом [Олафа Янсена](#) и его уютным окружением, к его владельцу и жителю, которого я позже узнал как поклоняющегося Одину и Тору. Была мягкость в его лице, и доброжелательное выражение в остро внимательных серых глазах этого человека, которому было за 90; и, кроме того, чувствовалось одиночество, которое обратилось к моему сочувствию. Слегка наклонившись, с руками, сцепленными за спиной, он прогуливался назад и вперед медленным и взвешенным шагом, в тот день, когда мы впервые встретились. Я едва ли могу сказать, какой особый повод побудил меня сделать паузу в моей прогулке и вовлечь его в беседу. Ему понравилось, когда я похвалил привлекательность его бунгало и ухоженные виноградные лозы и цветы, которых было много по его окнам, крыше и широкой веранде. Вскоре я обнаружил, что

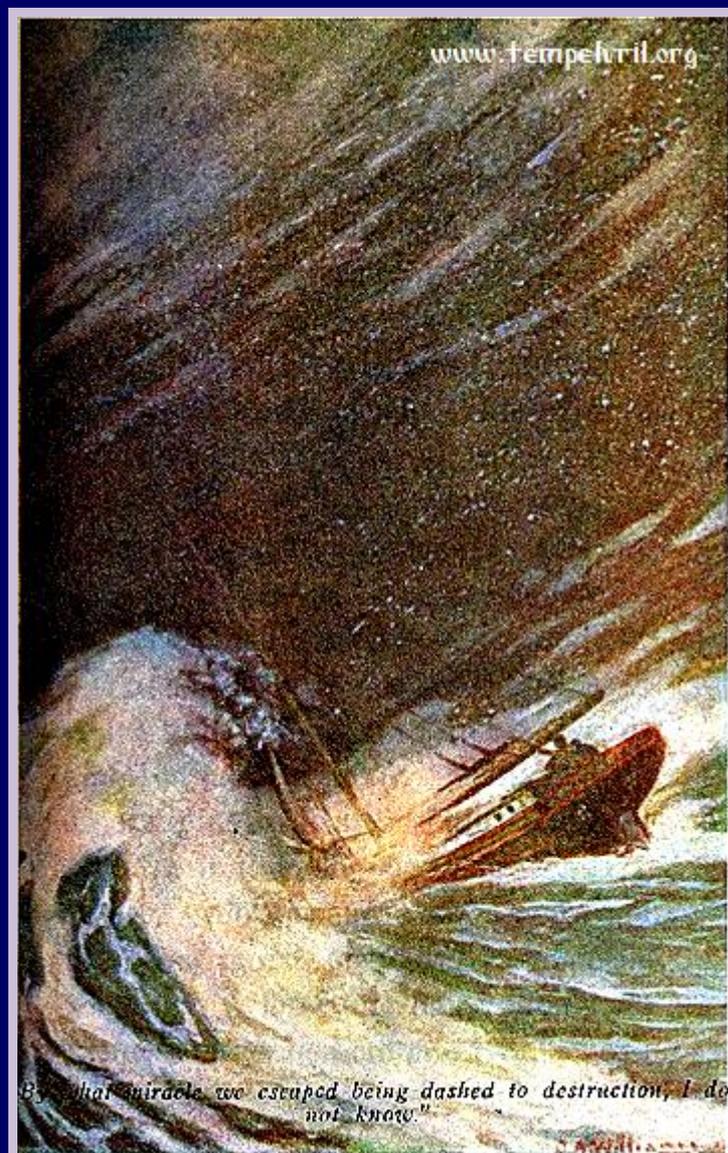
мой новый знакомый был не обычным человеком, но глубоким до замечательной степени; человеком, который, в более поздние годы его длинной жизни, зарылся глубоко в книги и стал знающим во власти задумчивой тишины. Я поощрил его говорить, и скоро заключил, что он проживал только шесть или семь лет в южной Калифорнии, но прожил дюжину предшествующих лет в одном из ближневосточных государств. Перед этим он был рыбаком недалеко от берега Норвегии, в области Лофотенских островов, откуда он совершил поездки далее на север к Шпицбергену и даже на Землю Франца-Иосифа. Когда я захотел уехать в отпуск, он попросил, чтобы я приехал снова. Хотя в то время, я ничего не думал об этом, я помню теперь, что он сделал специфическое замечание, когда я протянул свою руку при прощании. «Вы приедете снова?» — спросил он. — «Да, Вы приедете снова однажды. Я уверен, что Вы приедете; и я покажу Вам свою библиотеку и расскажу Вам много вещей, о которых Вы никогда не мечтали, вещей, настолько замечательных, что, может быть, Вы мне не поверите». Я со смехом уверил его, что не только приеду снова, но был бы готов верить независимо от того, что он бы рассказал мне о его путешествиях и приключениях. Позднее я хорошо узнал Олафа Янсена, и, постепенно, он рассказывал мне свою историю, столь изумительную, что бросала вызов разуму и вере. Старый скандинав всегда говорил с таким большим количеством серьезности и искренности, что я был приведен в восторг его странными повествованиями. Он был очень нетерпелив в долгом ожидании, хотя, будучи вызванным, я немедленно приехал к нему. «Я должен спешить,» воскликнул он, пожимая мне руку. «У меня есть многое сказать Вам, того что Вы не знаете, и я не доверюсь никому кроме Вас. Я полностью понимаю,» продолжал он поспешно, «что я не переживу эту ночь. Пришло время, чтобы присоединиться к моим предкам в большом сне». Я приспособил подушки, чтобы сделать ему удобнее, и уверил его, что был рад быть в состоянии служить ему любым возможным путем, поскольку я начинал понимать серьезность его положения. Поздний час, неподвижность окружения, странное чувство того, что ты наедине с умирающим человеком, вместе с его странной историей, всё объединилось, чтобы заставить мое сердце биться быстро и громко от чувства, для которого у меня нет никакого названия. Действительно, было много раз той ночью у кушетки старого скандинава, и было много раз с тех пор, когда восхищение, а не осуждение овладело моей душой, и я, казалось, не только верил в, но и фактически видел, чужие страны, странных людей и странный мир о котором он рассказал, и услышал могущественный оркестровый хор тысячи крепких голосов. Больше двух часов он казалось, имел почти сверхчеловеческую силу, говоря быстро, и судя по всему, рационально. Наконец он дал в мои руки определенные данные, рисунки и грубые карты. «Их», сказал он в заключение «я оставляю в Ваших руках. Если у меня может быть Ваше обещание дать их миру, я умру счастливым, потому что я желаю, чтобы люди могли знать правду, и тогда вся тайна относительно замороженной Скандинавии будет объяснена. Вам нечего опасаться той судьбы, которую я перенёс. Они не будут ни заковывать Вас, ни запирают Вас в сумасшедшем доме, потому что Вы не рассказываете

свою собственную историю, но мою, и я, благодаря богам, Одину и Тору, буду в своей могиле, и таким образом, вне досягаемости неверующих, которые преследовали бы меня. И теперь, заплатив последние печальные обряды этому странному человеку с Лофотенских островов, храброму исследователю холодных областей, который в его преклонные годы (после восьмидесяти) искал убежище успокоительного мира в солнечной Калифорнии, я обяжусь обнародовать его историю. Но, прежде всего, позвольте мне побаловаться одним или двумя размышлениями: Поколение следует за поколением, и традиции из туманного прошлого переданы от родителя сыну, но по некоторой странной причине интерес к запертому льдом неизвестному не уменьшается со временем и в умах неосведомленных и в умах учёных. С каждым новым поколением беспокойный импульс волнует сердца мужчин, требуя захватить скрытую цитадель Арктики, круг тишины, землю ледников, холодные пустыни вод и ветров, которые являются странно теплыми. Возрастающий интерес проявлен к гористым айсбергам, и изумительными предположениями балуются относительно центра тяжести земли, колыбели потоков, где у китов есть свои детские, где магнитная стрелка сходит с ума, где северное сияние освещает ночь, и где храбрые и мужественные настроения каждого поколения смеют рисковать и исследовать, бросая вызов опасностям «Самого дальнего Севера». Одна из самых способных работ последних лет — «Найденный рай, или Колыбель Человеческого рода в Северном полюсе», Уильяма Ф. Уоррена. В его тщательно готовом томе, г-н Уоррен почти ушиб палец ноги о реальную правду, но промахнулся, по-видимому, только немного, если открытие старого скандинава верно. Доктор Orville Livingston Leech, учёный, в недавней статье, говорит: «Вероятности мира внутри Земли сначала представились моему вниманию, когда я поднял жеоду на берегах Великих озер. Жеода — сферический и очевидно твердый камень, но когда его сломать видно, что он полый и покрыт кристаллами. Земля — только большая форма жеоды, и закон, который создал жеоду с её полый формой, несомненно, вылеплял Землю таким же образом». В представлении темы этой почти невероятной истории, как сказано Олафом Янсенем, и снабжённой рукописью, картами и грубыми рисунками, порученными мне, подходящее введение найдено в следующей цитате: «Вначале Бог создал небеса и землю, и земля была без формы и пуста». И также, «Бог создал человека по своему собственному подобию». Поэтому, даже в вещественном материале, человек должен быть Богоподобным, потому что он создан в сходстве с Отцом. Человек строит дом для себя и семьи. Подъезды или веранды — всё снаружи, и вторичны. Здание, действительно построенное для удобств, находится внутри. Олаф Янсен делает потрясающее объявление через меня, скромный инструмент, что в подобной манере, Бог создал землю для «внутренностей» — то есть для ее земель, морей, рек, гор, лесов и долин, и для ее других внутренних удобств, в то время как внешняя поверхность земли — просто веранда, подъезд, где вещи растут похожие, но редко, как лишайник на горной стороне, цепляясь решительно для голого существования. Возьмите яичную скорлупу, и от каждого конца уберите часть столь же большую как

конец этого карандаша. Извлеките его содержание, и затем у Вас будет прекрасное представление земли Олафа Янсена. Расстояние от внутренней поверхности до внешней поверхности, согласно ему, составляет приблизительно триста миль (482,8032 км?). Центр тяжести не находится в центре земли, а в центре раковины или корки; поэтому, если толщина корки земли или раковины составляет триста миль, центр тяжести на сто пятьдесят миль ниже поверхности. В своих вахтенных журналах исследователи Арктики говорят нам о наклоне стрелки компаса, когда судно приближается к областям самого дальнего известного севера. В действительности, они плывут по кривой; на краю оболочки, где сила тяжести увеличивается в геометрической прогрессии, и в то время как электрический ток, по-видимому, уносится в космос к призрачной идее Северного полюса, всё этот тот же самый электрический ток снижается снова и продолжает свой курс на юг вдоль внутренней поверхности корки Земли. В приложении к его работе Капитан Sabine делает отчет об экспериментах, чтобы определить ускорение маятника в различных широтах. Это, кажется, следовало из объединенной рабочей силы Тири и Sabine. Он говорит: «Случайное открытие того, что маятник, будучи удаленным от Парижа до экватора увеличил свое время колебания, дало первый шаг нашим последним данным, что полярная ось земного шара — меньше чем экваториальная; что сила тяжести в поверхности земли увеличивается прогрессивно с экватора к полюсам». Согласно Олафу Янсону, наш внешний мир был создан исключительно для «внутреннего» мира, где расположены четыре больших реки — Евфрат, Тисон, Gihon и Hiddekel. Эти те же самые названия рек, которые относились к потокам на «внешней» поверхности земли, являются просто традиционными от старины вне памяти о человеке. На вершине высокой горы, около источника этих четырех рек, Олаф Янсен, скандинав, утверждает, что обнаружил давно потерянный «Сад Рая, « истинный пуп Земли, и потратил более двух лет на изучение и разведывание в этой изумительной «внутренней» земле, обильной, с громадными растениями и гигантскими животными; земле, где люди живут столетиями, вроде Мафусаила и других библейских персонажей; области, где одна четверть «внутренней» поверхности — земля и три четверти вода; где есть большие океаны и много рек и озер; где города превосходны в строительстве и великолепии; где способы транспортировки столь же далеки от наших, как мы с нашими достижениями перед жителями «самой темной Африки». Расстояние непосредственно через пространство от внутренней поверхности до внутренней поверхности составляет приблизительно на шестьсот миль меньше чем признанный диаметр земли. В центре этого обширного вакуума место электричества — гигантского шара тусклого красного огня — не поразительно блестящего, но окруженного белым, умеренным, ярким облаком, выделяющим однородную теплоту, и остающегося в своём месте в центре этого внутреннего мира неизменным законом тяготения. Это электрическое облако известно людям «внутри» как местожительство «Дымчатого Бога». Они полагают, что это трон «Самого высокого». Олаф Янсен напомнил мне о том, как, в старые дни колледжа, мы были все знакомы с лабораторными

демонстрациями центробежного движения, которое ясно доказало, что, если бы Земля была сплошной, скорость её вращения на её оси порвала бы её в тысячу кусков. Старый скандинав также утверждал, что от самых дальних точек земли на островах Шпицберген и Земля Франца-Иосифа, стаи гусей могут быть замечены ежегодно, летящими дальше на север, так же, как моряки и исследователи делают записи в их вахтенных журналах. Никакой ученый еще не был достаточно смел, чтобы попытаться объяснить, даже к его собственному удовлетворению, в какие земли эти крылатые домашние птицы направляются их тонким инстинктом. Однако Олаф Янсен дал нам самое разумное объяснение. Присутствие открытого моря в Нортленде также объяснено. Олаф Янсен утверждает, что северная дыра, вход или отверстие, если можно так выразиться, составляет приблизительно одну тысячу четыреста миль (2253 км) в поперечнике. В связи с этим, давайте прочитаем то, что Исследователь Нансен пишет, на странице 288 его книги: «У меня никогда не было такого роскошного паруса. На севере, устойчивом севере, с хорошим ветром, с максимальной скоростью, какую пар и парус могут обеспечить, в открытом море, миля за милей смотреть часы, через эти неизвестные области, всё более и более свободные ото льда, можно было бы почти сказать: 'Сколько времени это продлится?' Глаз всегда поворачивается к северу, когда каждый шагает по мостику. Это вглядывание в будущее. Но всегда есть то же самое темное небо впереди, что означает открытое море». Снова, Norwood Review Англии, в ее номере от 10 мая 1884, говорит: «Мы не признаём, что есть лед до полюса — однажды в большом ледяном барьере, новый мир открывается на исследователя, климат становится умеренным как в Англии, и, позже, ароматным как греческие острова». Некоторые из рек «внутри», говорит Олаф Янсен, являются более крупными, чем наши объединенные реки Миссисипи и Амазонка, что касается объёма воды, которую несут; действительно их величие в их ширине и глубине, а не их длине, и в устьях этих могущественных рек, текущих к северу и на юг вдоль внутренней поверхности земли, огромные айсберги виделись, некоторые из них пятнадцать и двадцать миль шириной и от сорока до ста миль в длину. Не странно ли, что никогда не было айсберга, с которым сталкиваются или в арктическом или Антарктическом Океане, который не составлен из пресной воды? Современные ученые утверждают, что замораживание устраняет соль, но Олаф Янсен говорит по-другому. Древние индусские, японские и китайские письмена, так же как иероглифические письмена ушедших рас североамериканского континента, все говорят об обычае поклонению солнцу, и возможно, в потрясающем свете открытий Олафа Янсена, что люди внутреннего мира, переманенные проблесками солнца, поскольку оно сияло на внутреннюю поверхность земли, или от северного или от южного входа, стали неудовлетворенными «Дымчатым Богом, «большим столбом или материнским облаком электричества, и, утомленные их непрерывно умеренной и приятной атмосферой, следовали за более ярким светом, и наконец выходили за пределы ледового пояса и рассеивались по «внешней» поверхности земли, через Азию, Европу, Северную Америку и, позже, Африку, Австралию и Южную Америку.

Известный факт, что, при приближении к Экватору, высота людей уменьшается. Но жители Патагонии Южной Америки это вероятно, единственные аборигены из центра земли, которые вышли через отверстие, обычно определяемое как Южный полюс, и их называют расой гигантов. Олаф Янсен утверждает, что вначале мир был создан Великим Архитектором Вселенной, так, чтобы человек мог бы остановиться на ее «внутренней» поверхности, которая с тех пор была жильем «избранных». Они это те, которые вышли из «Райского Сада» принеся их традиционную историю с собой. История людей, живущих «внутри», содержит рассказ, предлагающий историю Ноя и ковчега, с которым мы знакомы. Он плыл далеко, так же, как и Колумб, из определенного порта, к странной стране, о которой он услышал, далеко на север, везя с собой всевозможных животных полей и птиц воздуха, но больше о нём не слышали. На эту тему говорит Уильям Ф. Уоррен, в его книге, уже процитированной, на страницах 297 и 298:» Арктические скалы говорят о потерянной Атлантиде, более замечательной, чем у Платона. Пласты слоновьих окаменелостей Сибири превосходят все другие в мире. С дней Плиния, по крайней мере, они постоянно подвергались разработке, и, тем не менее, они — главные места поставки. Останки мамонтов настолько в изобилии, что, как Грэйтакэп говорит, 'северные острова Сибири кажутся созданными из костей'. Другой научный автор, говоря об островах Новой Сибири, к северу устья реки Лены, выразился так: 'Большие количества слоновой кости вырываются из земли каждый год. Действительно, некоторые из островов, как полагают, являются только накоплением дрейфующей древесины и телами мамонтов и других допотопных животных, замороженных вместе'. От этого мы можем вывести, что, в течение лет, которые протекли, начиная с российского завоевания Сибири, полезные бивни больше чем от двадцати тысяч мамонтов были собраны». Сноски 38:1 следующая цитата является существенной; «Из этого следует, что человек, выходящий из материнской области, все еще неопределённой, но, на что много соображений указывают, находящейся на Севере, изошел в нескольких направлениях; то, что его перемещения постоянно были с Севера на Юг».

Часть вторая.

История Олафа Янсена.

Меня зовут **Олаф Янсен**. Я норвежец, хотя я родился в небольшом мореходном российском городе Uleaborg (от переводчика: Оулу это город в центральной Финляндии, на западном побережье, столица провинции с тем же именем; население 137454 (2009), по-шведски Uleåborg), на восточном побережье Ботнического залива, северной руке Балтийского моря. Мои родители были в рыбацком круизе в Ботническом заливе, и зашли в этот российский город Uleaborg во время моего рождения, в двадцать седьмой день октября 1811. Мой отец, Йенс Янсен, родился в Rodwig (от переводчика: в датском Rodvig?) на скандинавском побережье, около Лфотенских островов (от переводчика: близ северо-западного побережья

Скандинавского п-ова; территория Норвегии), но после бракосочетания сделал свой дом в Стокгольме, потому что родня моей матери проживала в том городе. Когда мне исполнилось семь лет, я начал ходить с моим отцом в его рыбацкие поездки вдоль скандинавского побережья. Рано в жизни я показал книжные способности, и в возрасте девяти лет был помещён в частную школу в Стокгольме, оставаясь там, пока мне не было четырнадцать лет. После этого я совершал регулярные поездки со своим отцом во все его рыбацкие путешествия.

Я был на своем девятнадцатом году, когда мы начали то, что, оказалось, было нашей последней поездкой как рыбаков, и которая привела к странной истории, которая должна быть дана миру, — но только когда я закончил свое земное паломничество.

Я не осмеливаюсь публиковать эти факты, поскольку я знаю, что если их издадут, в то время как я живу, я боюсь дальнейшего оскорбления, заключения и страдания. Прежде всего, я был закован капитаном китобойного судна, которое спасло меня, ни по какой другой причине, чем из-за того, что я говорил правду об изумительных открытиях, сделанных моим отцом и мной непосредственно.

Но это было далеко от того, чтобы быть концом моих пыток. После четырех лет и восьми месяцев отсутствия я достиг Стокгольма, только чтобы найти, что моя мать умерла в предыдущем году, и собственность, оставленная моими родителями, принадлежит родственникам моей матери, но она была сразу передана мне.

Всё было хорошо, и я стер из памяти историю нашего приключения и ужасную смерть моего отца.

Наконец, однажды, я рассказал историю подробно моему дяде, Густаву Остерлинду, человеку значительной собственности, и убеждал его снабдить экспедицию для меня, чтобы сделать второе путешествие к странной земле.

Сначала я думал, что он одобрил мой проект. Он казался интересующимся, и пригласил меня идти к определенным чиновникам и рассказать им, как я рассказал ему, истории наших путешествий и открытий. Вообразите мое разочарование и ужас, когда в заключение моего рассказа определённые документы были подписаны моим дядей, и, без предупреждения, я нашел себя арестованным и поспешно увезённым к мрачному и страшному заключению в сумасшедшем доме, где я оставался в течение двадцати восьми, утомительных, ужасных лет страдания!

Я никогда не прекращал утверждать свое здравомыслие, и выступать против несправедливости моего заключения. Наконец, семнадцатого октября 1862, я был освобожден. Мой дядя был мертв, и друзья моей юности были теперь незнакомцы.

Действительно, у человека более чем пятидесяти лет, чей только известный документ это документ сумасшедшего, нет никаких друзей.

Я не знал, как жить, но инстинктивно обернулся к гавани, где рыбацкие лодки в большом количестве были поставлены на якорь, и в течение недели я отправился с рыбаком именем Ян Хансен, который начинал долгий рыбацкий круиз к Лофотенским островам.

Здесь мои более ранние годы обучения мне очень пригодились, особенно в предоставлении возможности мне сделать себя полезным. Это было всего лишь началом других поездок, и при помощи экономии я был, через несколько лет, в состоянии иметь свой собственный рыбацкий бриг.

В течение двадцати семи лет после того я был в море как рыбак, пять лет, работая на других, и последние двадцать два сам на себя.

В течение всех этих лет я был самым прилежным студентом книг, так же как тружеником в моем бизнесе, но я проявлял большую заботу, чтобы не упомянуть любому историю относительно открытий, сделанных моим отцом и мной непосредственно. Даже сегодня в этот последний день я боюсь, что кто-то увидит или узнает вещи, которые я пишу, и отчеты и карты, которые я имею в своем хранении. Когда мои дни на земле будут закончены, я оставлю карты и отчеты, которые просветят и, я надеюсь, принесут человечеству пользу.

Память о моем долгом заключении с маньяками, и все ужасное мучение и страдания слишком ярки, чтобы гарантировать меня от риска.

В 1889 я распродал свои рыбацкие лодки, и нашел, что накопил состояние, довольно достаточное, чтобы мне хватило до конца жизни. Я тогда приехал в Америку.

В течение дюжины лет мой дом был в Иллинойсе, около Батавии, где я собрал большинство книг в своей существующей библиотеке, хотя я принес много избранных томов из Стокгольма. Позже, я приехал в Лос-Анджелес, 4 марта 1901. Дата, которую я хорошо помню, поскольку это был второй инаугурационный день президента Мак-Кинли. Я купил этот скромный дом и определил, здесь в частной жизни моего собственного местожительства, защищенного моей собственной виноградной лозой и фиговым деревом, и с моими книгами, чтобы сделать карты и рисунки новых земель, которые мы обнаружили, и также написать историю подробно со времени, когда мой отец и я уехал из Стокгольма до трагического события, которое разделило нас в Антарктическом Океане.

Я хорошо помню, что мы уехали из Стокгольма в нашем рыбацком шлюпе в третий день апреля 1829, и поплыли на юг, оставляя Остров Gothland слева и Остров Oeland справа. Несколько дней спустя мы преуспели в том, чтобы удвоить Точку Sandhommar, и пробились через пролив, который отделяет Данию от скандинавского побережья. В назначенное время мы прибываем в город Christiansand, где мы отдыхали два дня, и затем начали огигать скандинавское побережье на запад, направляясь к Лофотенским Островам.

Мой отец был в приподнятом настроении, из-за превосходных и приятных возвращений, которые он получил от нашего последнего улова на рынке в Стокгольме, вместо того, чтобы продать в одном из мореходных городов вдоль скандинавского побережья. Он был особенно доволен продажей некоторых бивней слоновой кости, которые он нашел на западном побережье Земли Франца Йосифа во время одного из его северных круизов в предыдущем году, и он выражал надежду, что на сей раз нам могло бы снова достаточно повезти загрузить наш небольшой рыбацкий шлюп слоновой костью, вместо трески, сельди, макрели и лосося.

Мы остановились в Хаммерфесте, широта семьдесят один градус и сорок минут, для отдыха на несколько дней. Здесь мы оставались одну неделю, приобретая дополнительную провизию и несколько бочек питьевой воды, и затем поплыли к Шпицбергену.

В течение первых нескольких дней у нас были открытое море и хороший ветер, и затем мы столкнулись с большим количеством льда и многими айсбергами. Судно, большее, чем наш рыбацкий шлюп, возможно, не смогло бы продолжить свой путь среди лабиринта айсбергов или было бы сжато в едва открытых каналах. Эти чудовищные айсберги представляли бесконечную последовательность хрустальных дворцов, массивных соборов и фантастических горных цепей, мрачных и подобных стражам, неподвижных как какой-то высокий утес из твердого камня, стоящим тихо как сфинкс, сопротивляясь неугомонным волнам беспокойного моря.

После многих усилий лишь по счастливой случайности мы достигли Шпицбергена 23-ьего июня, и бросили якорь в заливе Wijade на короткий промежуток времени, где мы были довольно успешны в наших уловах. Мы затем сняли якорь и проплыли через пролив Hinlopen, и двинулись вдоль побережья острова Северо-Восточная Земля.

Сильный ветер начинался с юго-запада, и мой отец сказал, что мы должны использовать это в своих интересах и попытаться достигнуть Земли Франца-Иосифа, где он годом прежде, случайно, нашел бивни слоновой кости, которые принесли ему такую хорошую цену в Стокгольме.

Никогда ни до, ни после не видел так многие морских птиц; они были настолько многочисленными, что они скрыли скалы на береговой линии и затемнили небо.

В течение нескольких дней мы плыли вдоль скалистого побережья Земли Франца-Иосифа. Наконец, подошёл хороший ветер, который позволил нам обогнуть Западное побережье, и, после парусного спорта в течение двадцати четырех часов, мы прибыли в красивый фиорд, небольшую бухту.

Трудно было поверить, что это был далекий Нортленд. Местность была покрыта живыми растениями, и в то время как площадь не была больше чем 4 или 8 тысяч квадратных метров, все же воздух был теплым и спокойным. Это, казалось, было в той точке, где влияние Гольфстрима наиболее остро чувствуют.

На восточном побережье были многочисленные айсберги, а здесь мы были в открытой воде. Далеко к западу от нас, однако, были льдины, и ещё дальше на запад лед появился как ряды низких холмов. Перед нами, и прямо на север, лежало открытое море.

Мой отец был горячим поклонником Одина и Тора, и часто говорил мне, что они были богами, которые происходили из места, которое находится далеко по ту сторону «Северного Ветра».

Существовало традиционное поверье, объяснил мой отец, что еще дальше на север была земля, более красивая, чем любая другая, что смертный человек когда-либо знал, и что она населялась «Избранными».

Мое юное воображение, было, загорелось страстью, рвением и религиозным пылом моего хорошего отца, и я воскликнул: «Почему бы не приплыть к этой приятной земле? Небо чисто, благоприятный ветер и море открыто».

Даже теперь я могу видеть выражение радостного удивления на его лице, когда он повернулся ко мне и спросил: «Мой сын, действительно ли ты готов пойти со мной и исследовать — пойти далеко вне тех мест, где человек когда-либо рисковал?» Я ответил утвердительно. «Очень хорошо,» он ответил. «Может бог Один защитит нас!» и, быстро регулируя паруса, он поглядел на наш компас, повернул нос в должном северном направлении через открытый канал, и наше путешествие началось.

Солнце было низко над горизонтом, поскольку это было все еще начало лета. Действительно, у нас было почти четыре светлых месяца впереди прежде, чем замороженная ночь могла снова наступить.

Наш небольшой рыбацкий шлюп прыгал вперед, как будто ему самому не терпелось продолжить приключение. В течение тридцати шести часов мы потеряли из виду самую высокую точку на береговой линии Земли Франца-Иосифа. Мы, казалось, были на сильном течении, бегущем на северо-северо-восток. Далеко направо и налево от нас были айсберги, но наш небольшой шлюп проходил через каналы и открытые морские каналы, столь узкие, что, будь наше судно больше, мы никогда, возможно, не прошли.

На третий день мы подошли к острову. Его берега омывались открытым морем. Мой отец решил высадиться и исследовать его в течение дня. Эта новая земля была лишена древесины, но мы нашли большое скопление сплавного леса на северном берегу. Некоторые из стволов деревьев составляли 130 метров длиной и 7 метров в диаметре.

После исследования одного дня береговой линии этого острова мы сняли якорь и повернули наш нос на север в открытом море.

Я помню, что ни мой отец, ни я сам не пробовали еды в течение почти тридцати часов. Возможно, это было из-за напряженности волнения о нашем странном путешествии в водах на таком далеком севере, мой отец сказал, чем кто-либо когда-либо прежде был. У активного ума были притуплены требования физических потребностей.

Вместо интенсивного холода, как мы ожидали, было действительно более тепло и более приятно, чем это было в то время как мы были в Хаммерфесте на северном побережье Норвегии, приблизительно за шесть недель до этого.

Мы откровенно признали, что были очень голодны, и немедленно я приготовил существенную еду из нашей хорошо сохраненной кладовой. Когда мы приняли участие в сердечной трапезе, я сказал моему отцу, что полагаю, что я буду спать, поскольку я начинал чувствовать себя довольно сонливым. «Очень хорошо», он ответил, «Я буду наблюдать.»

У меня нет никакого способа определить, сколько времени я спал; я только знаю, что был грубо пробужден ужасной качкой шлюпа. К моему удивлению, я нашел своего отца, спокойно спящим. Я выкрикнул крепким образом ему, и, поднявшись, он быстро запрыгал. Действительно, не ухватившись за перила, он был бы, конечно, сброшен в кипящие волны.

Бушевал жестокий снежный шторм. Ветер дул прямо в корму, ведя наш шлюп на потрясающей скорости, и угрожал каждый момент опрокинуть нас. Не было никакого времени, чтобы его терять, паруса должны были быть немедленно спущены. Наша

лодка корчилась в конвульсиях. Несколько айсбергов, которые мы знали, были по обе стороны от нас, но к счастью проход был открыт непосредственно на север. Но это осталось бы так?

Перед нами, подпоясывая горизонт слева направо, был мрачный туман или туман, черный как египетская ночь на краю воды, и белый как паровое облако к вершине, которая была наконец потеряна, чтобы рассмотреть, поскольку это смешивалось с большими белыми хлопьями падающего снега. Покрывало ли это предательский айсберг, или некоторое другое скрытое препятствие, о который наш небольшой шлюп разобьет и пошлет нас в водянистую могилу, или было просто явление арктического тумана, не было никакого способа определить.

Каким чудом мы избежали быть разбитыми, к полному разрушению, я не знаю. Я помню, что наше небольшое судно скрипело и стонало, как будто его суставы ломались. Оно качалось и колебалось туда и сюда как будто сжатое некоторым жестоким водоворотом или вихрем.

К счастью, наш компас был прикреплен длинными винтами к поперечине. Большая часть нашей провизии, однако, выскочила и была сметена с палубы небольшой кабины, и мы не взяли предосторожность в самом начале привязать себя твердо к мачтам шлюпа, мы должны были быть сброшены в море.

Поверх оглушительного шума неистовых волн я услышал голос своего отца. «Будь храбр, мой сын», кричал он, «Один — бог вод, компаньон храброго, и он с нами. Страх нет».

Мне казалось, что не было никакой возможности избежать ужасной смерти. В небольшом шлюпе была вода, снег падал столь быстро, что слепил, и волны перекачивались через борта в опрометчивой бело-распыляемой ярости. Не было понятно, в какой момент мы должны быть разбиты о какую-нибудь дрейфующую глыбу льда.

Огромные выпуклости поднимали нас до самых пиков гористых волн, затем погружали нас вниз в глубины моря, как будто наш рыбацкий шлюп был хрупкой раковиной. Гигантские бело-удивленные волны, как истинные стены, огородили нас, от носа до кормы.

Это ужасное раздражающее испытание, с его неназванными ужасами приостановки и муками неопишуемого страха, длилось больше трёх часов, и все время, нас вело вперёд на жестокой скорости. Затем внезапно, как будто утомаясь от его безумных усилий, ветер начал уменьшать свою ярость и постепенно утихать.

Наконец мы были в полном штиле. Туманная пыль также исчезла, и перед нами простёрся канал безо льда, возможно, десять или пятнадцать миль шириной, с несколькими айсбергами далеко с правой стороны от нас, и неустойчивым архипелагом из меньших айсбергов слева.

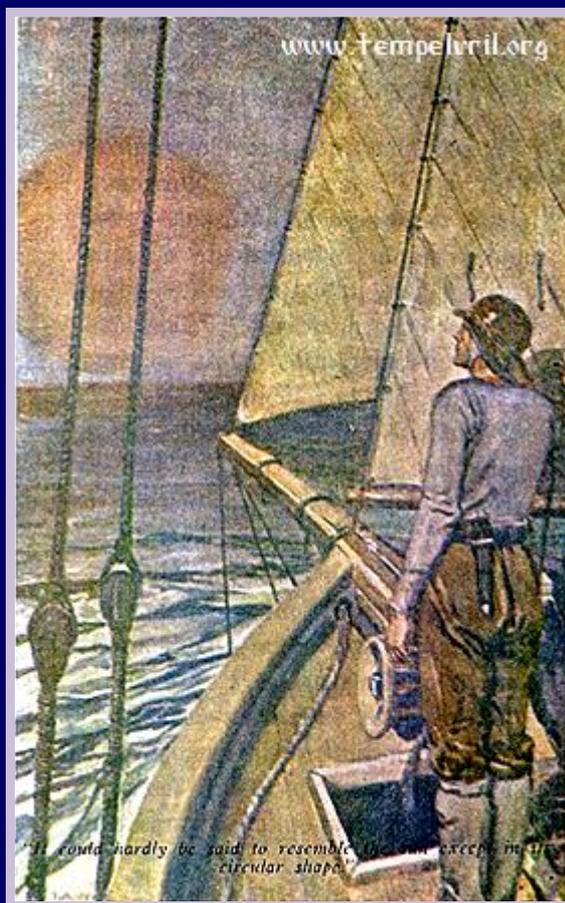
Я наблюдал за своим отцом близко, решив молчать, пока он не говорил. Теперь он развязывал веревку от пояса и, не говоря слова, начал работать насосами, которые, к счастью, не были повреждены, уменьшая воду в шлюпе, которую он начерпал в безумии шторма.

Он поднял паруса шлюпа так спокойно, как будто бросал рыболовную сеть, и затем отметил, что мы были готовы к хорошему ветру, когда он начнётся. Его храбрость и постоянство были действительно замечательны.

Проверив мы нашли меньше чем одну треть нашей провизии остающейся, в то время как к нашей чрезвычайной тревоге, мы обнаружили, что наши бочки с водой были выброшены за борт во время сильных прыжков нашей лодки.

Две из наших водных бочек задержались, но обе были пусты. У нас была еда, но никакой пресной воды. Я понял сразу ужасность нашего положения. Теперь я был охвачен жаждой. «Это действительно плохо», заметил мой отец. «Однако давайте высушим нашу потрепанную одежду, поскольку промокли до нитки. Доверься богу Одину, мой сын. Не оставляй надежду».

Солнце палило так, как будто мы были в южной широте, вместо далекого Нортленда. Оно качалось вокруг, его орбита была видима, и повышалась выше и выше каждый день, часто покрытое туманом, все же всегда всматривалось в кружеве облаков как некоторый беспокойный глаз судьбы, охраняя таинственный Нортленд и ревниво наблюдая шутки человека. Далеко с правой стороны от нас лучи, украшающие призмы айсбергов, были великолепны. Их отражения испускали вспышки от граната, алмаза, сапфира. Пиротехнический обзор бесчисленных цветов и форм, в то время как ниже было зеленое море, и выше фиолетовое небо.

Третья часть

По ту сторону северного ветра.

Я попытался забыть свою жажду, варя немного еды и наполняя пустой сосуд. Вытягивая жердь в сторону, я заполнил сосуд водой с целью омыwania рук и лица. К моему удивлению, когда вода пришла в соприкосновение с моими губами, я не мог почувствовать соль. Я был поражен открытием. «Отец!» Я по-настоящему задыхался, «вода, вода; она чистая!» «Что, Олаф?» воскликнул мой отец, глядя торопливо вокруг. «Конечно, ты ошибаешься. Нет никакой земли. Ты сходишь с ума». «Но попробуй её!» Я кричал.

И таким образом мы сделали открытие, что вода была действительно пресной, абсолютно так, без следа соленого вкуса или даже подозрения в соленом аромате.

Мы немедленно заполнили наши две остающихся водных бочки, и мой отец объявил, что это было небесное разрешение милосердия от богов Одина и Тора.

Мы были почти вне себя от радости, но голод напоминал о себе. Теперь, когда мы нашли пресную воду в открытом море, что мы не могли бы ожидать в этой странной широте, куда судно прежде никогда не приплывало, и всплеск весла никогда не слышали?

Мы едва успокоили наш голод, когда бриз начал заполнять праздные паруса, и, глядя на компас, мы нашли северную часть стрелки, прижимающейся плотно к стеклу.

В ответ на мое удивление сказал мой отец, «Я слышал об этом прежде; это — то, что называют опусканием стрелки».

Мы освободили компас и повернули его правильными углами с поверхностью моря чтобы стрелка перестала касаться стекла и указала без сдерживания. Она перемещалась тревожно, и казалось столь же неустойчивой как пьяный человек, но наконец указала курс.

Перед этим мы думали, что ветер нёс нас на северо-северо-запад, но, со свободной стрелкой, мы обнаружили, если на неё можно было бы положиться, что мы плыли немного на северо-северо-восток. Наш курс, однако, склонялся к северу.

Море было ясно гладким, с едва изменчивой волной, и ветром, оживленным и волнующим. Лучи солнца, ударяя нас наискось, доставили спокойную теплоту. И таким образом время день за днем тянулось, и мы нашли из записи в нашем вахтенном журнале, что мы плыли под парусом одиннадцать дней начиная со шторма в открытом море.

При самой строгой экономии наша еда растягивалась довольно хорошо, но начинала кончаться. Тем временем, одна из наших бочек воды была исчерпана, и мой отец сказал: «Мы заполним её снова». Но к нашей тревоге мы нашли, что вода была теперь как соль как в области Лофотенских островов недалеко от берега Норвегии. Это требовало того, чтобы мы были чрезвычайно осторожными с остающейся бочкой.

Я хотел спать большую часть времени; было ли это эффектом захватывающего опыта парусного спорта в неизвестных водах, или расслабления от ужасного инцидента волнения нашего приключения в шторме в море, или голода, я не мог сказать.

Я часто лежал на угольном бункере нашего небольшого шлюпа и изучал далёкий синий купол неба; и, несмотря на то, что солнце сияло далеко на востоке, я всегда видел единственную звезду наверху. В течение нескольких дней, когда я искал эту звезду, она всегда была там непосредственно над нами.

Это было, согласно нашему счёту, первое августа. Солнце было высоко на небесах, и было настолько ярко, что я больше не мог видеть одну одинокую звезду, которая привлекла мое внимание несколькими днями ранее.

Однажды в это время, мой отец поразил меня, вызывая мое внимание к новому виду далеко перед нами, почти на горизонте. «Это — ложное солнце», воскликнул мой отец. «Я читал о них; это называют отражением или миражом. Это скоро окончится».

Но это уныло-красное, «ложное солнце», как мы предположили, не исчезло в течение нескольких часов; и мы не могли охватить горизонт впереди и определить местонахождение так называемого ложного солнца, во время, по крайней мере, двенадцати часов из каждых двадцати четырех.

Облака и туманы были бы время от времени почти всегда, но никогда полностью не скрывали его местоположение. Постепенно оно, казалось, поднялось выше в горизонте неуверенно-пурпурного неба, с нашим продвижением.

Это, как можно едва ли выразиться солнце, кроме в его круглой формы, и если не затенено облаками или океанскими туманами, у этого было туманно-красный, бронзовый вид, который изменится на белый свет как яркое облако, как будто отражая некоторый больший свет внутри.

Мы наконец согласились в нашем обсуждении этого дымного солнца цвета печи, что безотносительно причины явления это не было отражение нашего солнца, а что это планета некоторого вида и это реальность.

В один день вскоре после этого, я чувствовал себя чрезвычайно сонливым, и погрузился в крепкий сон. Но казалось, что я был почти немедленно пробужден энергичным сотрясением моего плеча моим отцом и словами: «Олаф, проснись; в поле зрения земля!»

Я вскочил на ноги, и о! невыразимая радость! Там, далеко на расстоянии, но все же непосредственно прямо по курсу, была земля, выступающая прямо в море. Береговая линия, протянулась далеко направо от нас, до того как глаза могли видеть, и все время по песчаному пляжу были волны, врывающиеся в изменчивую пену, возвращаясь, затем продвигаясь снова, напевая в монотонном грохоте тона глубокой песни. Банки были покрыты деревьями и растительностью.

Я не могу выразить свое чувство ликования в этом открытии. Мой отец стоял неподвижный, с его рукой на руле, смотря прямо вперед, наливая своё сердце в благодарной молитве и благодарении богам Одину и Тору.

Тем временем, сеть, которую мы нашли в кладовой, была брошена, и мы поймали несколько рыб, которые существенно добавили к нашему истощающемуся запасу провизии. Компас, который мы закрепили назад в его место, в страхе перед другим штормом, все еще указывал должный север, и стрелка перемещалась на своём центре, как это было в Стокгольме. Опускание иглы прекратилось. Что это могло означать? Тогда, также, наши много дней парусного спорта, конечно, занесли нас далеко мимо Северного полюса. И все же стрелка продолжала указывать север. Мы были очень озадачены, поскольку, конечно, наше направление было теперь на юг.

Мы плыли в течение трех дней вдоль береговой линии, затем приехали в устье фьорда или реку огромного размера. Это походило больше на большой залив, и в это мы поворачивали наше рыбацкое судно, по направлению с юга немного на северо-восток. С помощью беспокойного ветра, который помогал нам приблизительно двенадцать часов из каждых двадцати четырех, мы продолжали пробиваться внутрь материка, по тому, что позже, оказалось, было могущественной рекой, и которая как мы изучили, была названа жителями Хиддекелем. Мы продолжили нашу поездку в течение десяти дней после этого, и нашли, что, к счастью, достигли расстояния внутри суши, где океанские потоки больше не затрагивали воды, которая стала свежей. Открытие пришло вовремя: вода нашей остающейся бочки была почти исчерпана. Мы сразу пополнили наши бочки, и продолжили плыть дальше вверх по реке, когда ветер был благоприятен.

Вдоль берегов большие лесные мели были видимы далеко от береговой линии. Деревья имели огромный размер. Мы спустились на сушу после постановки на якорь около песчаного пляжа, и были вознаграждены, найдя орехи, которые были очень приемлемы чтобы удовлетворить голод и избавить от монотонности нашего запаса провизии.

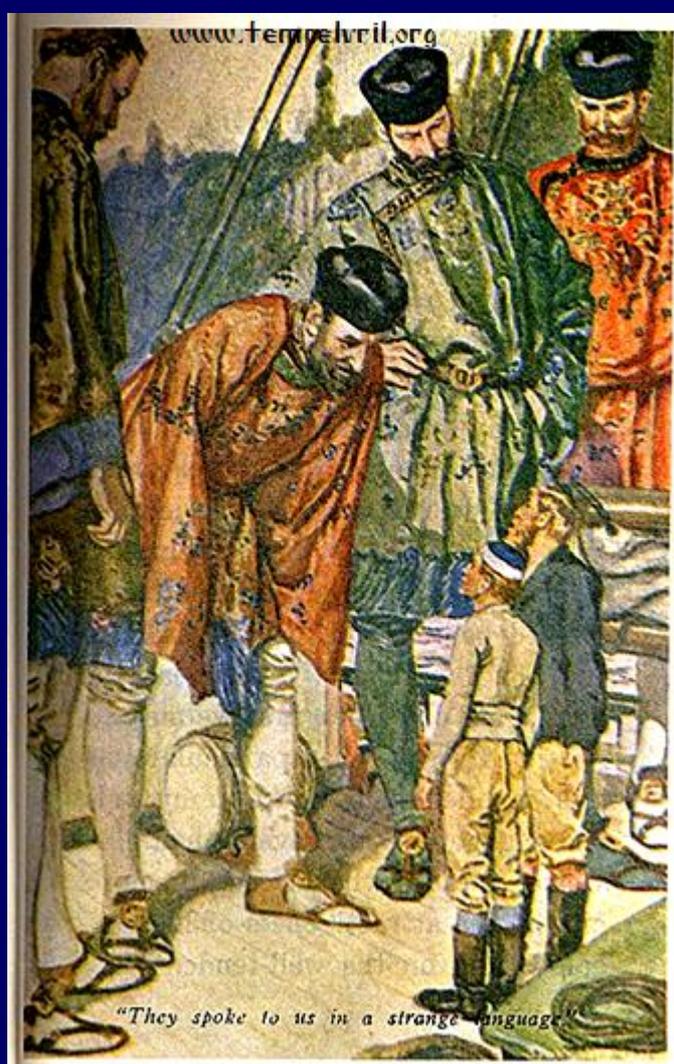
Это было приблизительно первого сентября, более чем пять месяцев, как мы вычислили, начиная с нашего отплытия из Стокгольма. Внезапно мы были ужасно напуганы, слыша в далеком расстоянии пение людей. Очень скоро после того мы обнаружили огромное судно, скользящее по течению непосредственно к нам. Те на борту пели в одном могущественном хоре, который, отзываясь эхом от берега до берега, походил на тысячу голосов, заполняя целую вселенную дрожащей мелодией. Сопровождение игралось на струнных инструментах, мало чем отличающихся от наших арф.

Это было большим судном чем мы когда-либо видели, и было по-другому построено. В определенное время наш шлюп был успокоен, и недалеко от берега. Берег реки, покрытый гигантскими деревьями, поднялся выше на несколько сотен футов

красивым способом. Мы, казалось, были на краю некоторого первобытного леса, который, несомненно, простирался далеко внутрь страны.

Огромное судно притормозило, и почти немедленно лодка была спущена на воду, и шесть мужчин гигантского роста начали грести к нашему небольшому рыбацкому шлюпу. Они обратились к нам на странном языке. Мы видели по их манерам, однако, что они были весьма дружелюбными. Они говорили много между собой, и один из них неумеренно смеялся, как если бы в обнаружении нас странное открытие было сделано. Один из них заметил наш компас, и он, казалось, заинтересовал их больше чем любая другая часть нашего шлюпа.

Наконец, лидер показал, как будто спросить, были ли мы готовы оставить наш корабль, чтобы пересечь на их корабль. «Что скажешь, мой сын?» спросил мой отец. «Они не могут больше сделать, чем убить нас».

«Они, кажется, любезно расположены» я ответил, «хотя это ужасные гиганты! Они должны быть избранными шестью из первоклассного полка королевства. Только посмотрите на их большой рост».

«Мы можем также пойти охотно как быть уведёнными силой», сказал мой отец, улыбаясь, «поскольку они, конечно, в состоянии захватить нас.» Вслед за этим он сообщал, знаками, что мы были готовы сопровождать их.

В течение нескольких минут мы были на борту судна, и полчаса спустя наше небольшое рыбацкое судно было поднято целиком из воды странным видом крюка и оборудования, и установлено на борту как курьёз. Было несколько сотен человек на борту этого, для нас гигантского судна, которое мы обнаружили, называлось «Naz», что значило, как мы позже узнали, «Удовольствие», или если дать более правильную интерпретацию, судно «Экскурсия Удовольствия».

Если мой отец, и я любопытно наблюдались жителями судна, эта странная раса гигантов предложила нам равное количество удивления. Не было ни одного человека на борту того, который был ниже 3,6 метров в высоту. Они все носили полные бороды, не особенно длинные, но, по-видимому, коротко подрезанные. У них были умеренные и красивые лица, чрезвычайно светлые, с румяными цветами лица. Волосы и борода некоторых были чёрные, песчаные другие, и остальные жёлтые. Капитан, когда мы нашли руководителя в команде большого судна, был на голову, более высоким, чем любой из его компаньонов. Женщины в среднем от 3 до 3,3 метров ростом. Их черты лица были особенно правильны и усовершенствованы, в то время как их цвет лица имел самый тонкий оттенок, усиленный здоровым румянцем.

И мужчины и женщины, казалось, обладали той особой непринужденностью манер, которую мы считаем признаком хорошего происхождения, и, несмотря на их огромный рост, не было ничего в них вызывающего неловкость. Поскольку я был парнем на только своем девятнадцатом году, я, несомненно, рассматривался как истинный Том Тумб («Мальчик-с-пальчик»). Метр восемьдесят три моего отца не доходили выше линии талии этих людей.

Каждый, казалось, соперничал с другими в простирающихся знаках внимания и показе доброты нам, но все смеялись сердечно, я помню, когда они должны были импровизировать стулья для моего отца и меня непосредственно, чтобы сидеть за столом. Они были богато одеты в костюмы, специфические для себя, и очень привлекательные. Мужчины были одеты в красиво вышитые туники из шелка и атласа и опоясаны в талии. Они носили бриджи и носки тонкой структуры, в то время как их ноги были обуты в сандалии, украшенные золотыми застежками. Мы рано

обнаружили, что золото было одним из наиболее распространенных металлов, известных, и что оно использовалось широко в художественном оформлении.

Может быть странно, но ни мой отец, ни я не чувствовали сомнений в нашей безопасности. «Мы пришли как к себе», мой отец сказал мне. «Это — выполнение традиции, сказанной мне моим отцом и отцом моего отца, и все еще назад на многие поколения нашей расы. Это — конечно, земля по ту сторону Северного Ветра.

Мы, казалось, произвели такое впечатление на их сторону, что нам дали особенно в нагрузку одного из мужчин, Жюля Гальдеа, и его жену, с целью того, чтобы научиться на их языке; и мы, с нашей стороны, столь же стремились учиться, как они должны были инструктировать.

По команде капитана судно хитро развернулось, и начало восстанавливать свой курс вверх по реке. Машина, была бесшумна, и очень мощна.

Берега и деревья с обеих сторон, казалось, помчались. Скорость судна, время от времени, превзошла скорость любого поезда железной дороги, на котором я когда-либо ехал, даже сюда в Америке. Это было замечательно. Тем временем мы теряли из виду лучи солнца, но мы нашли сияние «внутри» происходящее от уныло-красного солнца, которое уже привлекло наше внимание, теперь выделяя белый свет по-видимому от облачной гряды далеко перед нами. Оно распределяло больший свет, я должен сказать, чем две полных луны самой ясной ночью.

Через двенадцать часов исчезло из виду это облако белизны, как будто затмеваемое, и эти двенадцать часов после соответствовали нашей ночи. Мы рано узнали, что эти странные люди поклонялись этому большому облаку ночи. Это был «Дымчатый Бог» «Внутреннего мира».

Судно было оборудовано способом освещения, которое как я теперь предполагаю, было электричество, но ни мой отец, ни я непосредственно не были достаточно квалифицированы в механике, чтобы понять, откуда шла энергия управлять судном, или поддержать мягкие красивые огни, которые ответили на ту же самую цель в наших настоящих методах освещения улиц наших городов, наших зданий и мест бизнеса.

Это нужно помнить о времени, которого я пишу, была осень 1829, и мы на «внешней» поверхности земли ничего не знали тогда, если можно так выразиться, об электричестве.

Электрически перегруженное условие воздуха было постоянным оживителем. Я никогда не чувствовал себя лучше в своей жизни чем в течение этих двух лет что мой отец, и я пребывал на внутренней части земли.

Возобновляю мой рассказ событий: судно, на котором мы плыли, прибыло в конечный пункт спустя два дня после того, как мы были приняты. Мой отец сказал так почти, как он мог судить, мы непосредственно находились прямо под Стокгольмом или Лондоном.

Город, которого мы достигли, назвали «Jehu», В переводе город морского порта. Здания были большими и красиво построенные, и довольно однородными по внешности, все же без сходства. Основное занятие людей, казалось, было, сельским хозяйством; склоны были покрыты виноградниками, в то время как долины были посвящены росту зерна.

Я никогда не видел такой показ золота. Оно было всюду. Двери были инкрустированы, и столы были облицованы золотом. Купола общественных зданий были золотыми. Оно использовалось наиболее обильно в отделке больших храмов музыки.

Растительность росла в щедром изобилии, и фрукты всех видов обладали самым тонким ароматом. Гроздь винограда 120 см и 150 см в длине, каждая винограда столь же большая как апельсин, и яблоки, больше чем голова человека, символизировали замечательный рост всех вещей на «внутренней части» земли.

Большие деревья секвойи Калифорнии считали бы простым подлеском по сравнению с гигантскими лесными деревьями, простирающимися на мили и мили во всех направлениях. Во многих направлениях вдоль предгорий гор обширные стада рогатого скота были замечены в течение прошлого дня нашего путешествия на реке.

Мы слышали больше о городе под названием «Эдем», но были сохранены в «Jehu» в течение всего года. К концу того времени мы учились говорить довольно хорошо на языке этой странной расы людей. Наши преподаватели, Жюль Гальдеа и его жена, показали терпение, которое было действительно похвально. Однажды посланник от Правителя в «Эдеме» приехал, чтобы видеть нас, и в течение двух целых дней мой отец и я непосредственно были проведены через серию удивительных вопросов. Они хотели знать, откуда мы приехали, какие люди жили «снаружи», какому Богу мы поклонялись, наши религиозные верования, способ проживания в нашей чужой стране, и тысяча других вещей.

Компас, который мы принесли с нами, привлек особенное внимание. Мой отец и я прокомментировали между нами факт, что компас все еще указал север, хотя мы теперь знали, что приплыли по кривой или краю отверстия земли, и далеко приехали на юг на «внутренней» поверхности корки земли, которая, согласно оценке моего отца и моему собственному, составляет приблизительно триста миль в толщине от «внутренней части» до «внешней» поверхности. Собственно говоря, это является не

более толстым, чем яичная скорлупа, так, чтобы было почти так много поверхности на «внутренней части» как на «внешней стороне» земли.

Большое яркое облако или шар уныло-красного «огня пламенная краснота» по утрам и вечерам, и в течение дня, испуская красивый белый свет, «Дымчатый Бог», — по-видимому, подвешен в центре большой пустоты «внутри» земли, и удерживается на ее месте неизменным законом тяготения, или средством атмосферной силы, в зависимости от обстоятельств. Я обращаюсь к известной энергии, которая тянет или отталкивает с равной силой во всех направлениях.

Дно этого электрического облака или центрального светила, места богов, является темным и непрозрачным, и в нём неисчислимы маленькие отверстия, по-видимому, в дне большой опоры или алтаре Божества, на которое «опирается Дымчатый Бог»; и, огни, сияющие посредством этих многих отверстий, мерцают ночью во всем их блеске, и, кажется, звезды, столь же естественны как звезды которые мы видели яркими, в нашем доме в Стокгольме, за исключением того что они кажутся больше. «Дымчатый Бог» поэтому, с каждой ежедневной революцией земли, кажется, восходит на востоке и понижается на западе, то же самое, как делает наше солнце на внешней поверхности. В действительности, люди «внутри» полагают, что «Дымчатый Бог» является тронем их Яхве, и неподвижен. Эффект ночи и дня, поэтому, произведён ежедневным вращением земли.

Я с тех пор обнаружил, что язык людей Внутреннего мира очень походит на санскрит. После того, как мы сделали отчет о нас непосредственно эмиссарам от центрального места правительства внутреннего континента, и мой отец, его грубым способом, нарисовал карты, по их запросу, «внешней» поверхности земли, показывая разделы земли и воды, и давая название каждого из континентов, больших островов и океанов, мы были взяты по суше в город Эдем, в транспортном средстве, отличающейся от чего-либо что мы имеем в Европе или Америке.

Это транспортное средство было, несомненно, некоторым электрическим приспособлением. Оно было бесшумно, и бежало на единственном железном рельсе в прекрасном балансе. Поездка была совершена на очень высокой скорости. Нас несло вверх на холмы и вниз в долины, через долины и снова вдоль сторон крутых гор, без любой очевидной попытки, предпринятой, чтобы выровнять землю, как мы делаем для железнодорожных путей. Автокресла были огромными и все же удобными штукаами, и очень высоко над полом автомобиля. На вершине каждого автомобиля были высоко приспособлены (хитрые, балансирующие, маховиковые?) колеса, лежащие на их сторонах, которые были так автоматически приспособлены, что, как скорость автомобиля увеличивалась, высокая скорость этих колес, геометрически увеличивалась.

Жюль Гальдеа объяснил нам, что эти автоматически возобновляемые похожие на вентиляторы колеса сверху автомобилей разрушили атмосферное давление, или, что вообще понято под термином тяготение, и с этой силой, таким образом, разрушенной или ставшей пустячной, автомобиль столь безопасен от падения на сторону от единственного рельса, как, будто он в пустоте; эти колеса в их быстрых революциях, разрушающих эффективно так называемую власть тяготения, или силу атмосферного давления или безотносительно мощного влияния, которым это может быть, то, что заставляет все неподдержанные вещи упасть вниз на поверхность земли или на самую близкую точку сопротивления.

Удивление моего отца и меня непосредственно было неопишимо, когда среди королевского великолепия просторного зала мы были наконец оказались перед Великим Первосвященником, правителем по всей земле. Он был богато одет, и намного более высокий чем те кто был рядом с ним, и, возможно, не был меньше чем 4,2 метра или 4,5 метра в высоту. Огромная комната, в которой мы были приняты, казалась, отделана сплошными плитами золота, плотно усеяна бриллиантами удивительного блеска.

Город Эдем расположен в том, что, кажется, красивой долиной, все же, фактически находится на самом высоком горном плато Внутреннего Континента, на несколько тысяч футов выше, чем любая часть окружающей страны. Это — самое красивое место, которое я когда-либо созерцал во всех своих путешествиях. В этом поднятом саду все виды фруктов, виноградных лоз, кустов, деревьев, и цветов растут в буйной обильности.

В этом саду у четырех рек есть свой источник в могущественном артезианском фонтане. Они делятся и текут в четырех направлениях. Это место называют жители «пупом земли», или началом, «колыбелью человеческого рода». Названия рек — Евфрат, Тисон, Gihon, и Hiddekel.

Неожиданное ждало нас в этом дворце красоты, в нахождении нашего небольшого рыбацкого судна. Оно было доставлено перед Первосвященником в прекрасной форме, так же, как это было взято из воды в тот день, когда было загружено на борт судна людьми, которые обнаружили нас на реке за больше чем год до этого.

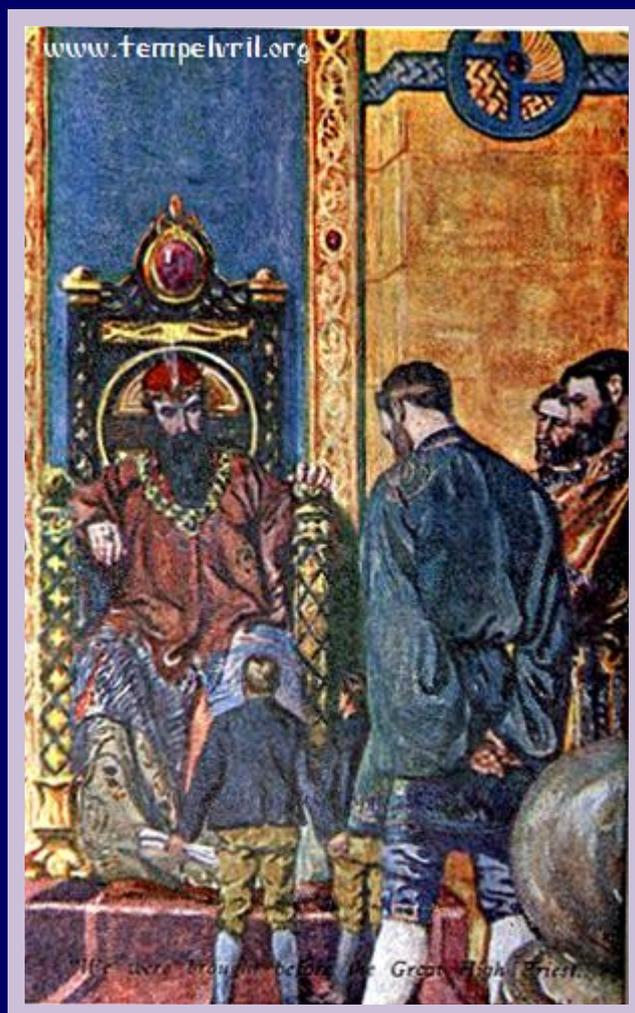
Нам дали аудиенцию на более чем два часа с этим великим сановником, который казался любезно расположенным и внимательным. Он показал себя нетерпеливо заинтересованным, задавая нам многочисленные вопросы, и неизменно относительно вещей, о которых его эмиссары были не в состоянии спросить.

В конце интервью он спрашивал о нашем желании, спрашивая нас, хотели ли мы остаться в его стране или мы предпочли возвратиться к «внешнему» миру, если было

возможно совершить успешную поездку назад, через замороженные барьеры узких проливов, которые окружают и северное и южное отверстия земли.

«Я боюсь, что Вы никогда не сможете вернуться» ответил Главный Первосвященник, «потому что путь — самый опасный. Однако Вы должны посетить разные страны с Жюлем Гальдеой как Вашим эскортом, и получить всякую любезность и доброту. Когда же Вы будете готовы делать попытку путешествовать назад, я уверяю Вас, что Ваша лодка, которая находится здесь на выставке, должна быть помещена в воды реки Хеддекель в её устье, и мы предложим Вас скорость Яхве.»

Таким образом, закончилось наше единственное интервью с Первосвященником или Правителем континента.

Часть четвёртая.

В Подземном мире.

www.tempelvril.org

Мы узнали, что мужчины не женятся прежде, чем они будут от семидесяти пяти до ста лет, и что возраст, в который женщины входят в брак, только немного меньше, и что и мужчины и женщины часто живут от шестисот до восьмисот лет, и в некоторых случаях значительно старше.

В течение следующего года мы посетили много деревень и городов, выдающимися среди них являются города Nigi, Delfi, Hecsea, и моего отца вызвали не менее чем полдюжину раз, чтобы пробежаться через карты, которые были сделаны из грубых эскизов, которые он первоначально дал о разделении земли и воды на «внешней» поверхности земли.

Я не забываю, как слышал, что мой отец отмечал, что гигантская раса людей на земле «Дымного Бога» имела почти точную идею географии «внешней» поверхности земли, как имел средний профессор в Стокгольме.

В наших путешествиях мы приехали в лес гигантских деревьев, около города Delfi. Если Библия сказала, что были деревья высокие более чем 90 метров в высоту, и больше чем 9 метров в диаметре, растущие в Саду Рая, Ingersolls, Том Пэйнс и Волтэрес, несомненно, объявят заявление мифом. Все же это — описание Калифорнийской гигантской секвойи ; но эти Калифорнийские гиганты отходят на второй план при сравнении с лесными Голиафами, найденными во «внутреннем» континенте, где имеются в большом количестве могущественные деревья от 240 до 300 метров в высоту, и от 30 до 36 метров в диаметре; бесчисленные в числе и формирующие леса, простирающихся на сотни миль назад от моря.

Люди чрезвычайно музыкальны, и обучены в замечательной степени в области их искусств и наук, особенно геометрии и астрономии. Их города оборудованы обширными дворцами музыки, где весьма часто целых двадцать пять тысяч крепких голосов этой гигантской расы нарастают дальше в могущественных хорах большинства возвышенных симфоний.

Дети, как предполагается, не посещают учреждения науки прежде, чем им будет двадцать лет. Тогда их школьная жизнь начинается и продолжается в течение тридцати лет, десять из которых одинаково посвящены обоими полами исследованию музыки.

Их основные призвания — архитектура, сельское хозяйство, садоводство, подъем обширных стад рогатого скота, и построение транспортных средств, специфических для той страны, для путешествия на земле и воде. С помощью некоторого устройства, которое я не могу объяснить, они держат коммуникацию друг с другом между самыми отдаленными частями их страны, на воздушных потоках.

Все здания установлены со специальным отношением к силе, долговечности, красоте и симметрии, и со стилем архитектуры, значительно более привлекательным для глаз, чем любой, который я когда-либо наблюдал в другом месте.

Примерно три четверти «внутренней» поверхности земли суша и приблизительно одна четверть вода. Есть многочисленные реки огромного размера, некоторые текущие в северном направлении и другие в южном направлении. Некоторые из этих рек составляют тридцать миль по ширине, и это вне этих обширных водных путей, в чрезвычайных северных и южных частях «внутренней» поверхности земли, в регионах, где низкие температуры испытаны, что сформированы пресноводные айсберги. Они далее вынесены к морю как огромные языки льда, неправильными паводками бурных вод, которые, дважды каждый год, охватывают все перед ними.

Мы видели неисчислимы экземпляры видов (?) птиц, размером не больше чем те, с которыми сталкиваются в лесах Европы или Америки. Известно, что в течение прошлых нескольких лет целые виды птиц оставили землю. Автор в недавней статье об этом предмете говорит: Невозможно ли, что эти исчезающие виды птиц оставляют свое жилище снаружи, и находят убежище во «внутреннем мире»?

И внутри страны среди гор, и вдоль побережья, мы сочли жизнь птиц плодотворной. Когда они расправляют свои большие крылья, некоторые из птиц, казалось, 9 метров в размахе крыльев. Они имеют большое разнообразие и много цветов. Нам разрешили взобраться наверх на краю скалы и исследовать гнездо яиц. Было пять в гнезде, каждое из которых составляло, по крайней мере, 60 см в длину и 40 см в диаметре.

После того, как мы были в городе Нестеа приблизительно неделю, профессор Голдея взял нас к небольшой бухте, где мы видели тысячи черепах вдоль песчаного берега. Я смущаюсь заявлять размер этих великих существ. Они были от 7,5 до 9 метров в длину, от 4,5 до 6 метров по ширине — и полностью 210 см в высоту. Когда один из них высунул свою голову, у него было вид некоторого отвратительного морского монстра.

Странные условия «внутри» благоприятны не только для обширных лугов обильных трав, лесов гигантских деревьев, и всей манеры растительной жизни, но удивительной жизни животных также.

Однажды мы видели великое стадо слонов., Должно быть, было пятьсот этих громогорластых монстров, с их беспокойно махающими хоботами. Они отрывали огромные ветви от деревьев и растаптывали меньшие растения в пыль. Они составляли в среднем более чем 30 метров в длину и от 22,5 до 25,5 метров в высоту.

Это казалось, когда я смотрел на это замечательное стадо гигантских слонов, что я снова жил в публичной библиотеке в Стокгольме, где я провел много времени, изучая чудеса Миоценовой эпохи. Я был переполнен немым удивлением, и мой отец был безмолвен со страхом. Он держал мою руку хваткой защиты, как будто страшный вред настигнет нас. Мы были двумя атомами в этом большом лесу, и, к счастью, ненаблюдаемые этим обширным стадом слонов, когда они дрейфовали к нам и прочь, за лидером, как делает стадо овец. Они виделись в растущих травах, с которыми они встретились, когда они перемещались, и время от времени встряхивали небесный свод своим глубоким ревом.

Проведя значительно больше чем год в посещении нескольких из многих городов «внутреннего» мира и большого количества пройденной страны, и больше чем два года прошло со времени, когда мы были подобраны большим экскурсионным судном на реке, мы решили бросить наши судьбы еще раз в море, и пытаться возвращаться на «внешнюю» поверхность земли.

Мы сообщали наши пожелания, и они неохотно, но быстро последовали. Наши хозяева дали моему отцу, по его запросу, различные карты, показывая всю

«внутреннюю» поверхность земли, ее города, океаны, моря, реки, заливы. Они также великодушно предложили давать нам все сумки золотых самородков некоторые столь же большие как яйцо гуся — что мы были готовы попытаться взять с нами в нашем небольшом рыболовном судне.

В назначенное время мы возвратились в Jehu, в котором мы провели один месяц в договорах и перестройке наш небольшого рыбацкого шлюпа. После того как всё было готово, то же самое судно «Naz», которое первоначально обнаружило нас, приняло нас и поплыло к устью реки Хиддекель.

После того, как наши гигантские братья спустили на воду наше небольшое судно для нас, они были наиболее сердечно опечалены при расставании, и проявили много заботы для нашей безопасности. Мой отец клялся Богами Одним и Тором, что он, конечно, возвратится снова в течение года или двух и нанесет им другой визит. И таким образом мы предлагали им прощанье. Мы приготовили и подняли наш парус, но был небольшой бриз. Мы успокоились в течение часа после того, как наши гигантские друзья оставили нас и начали поездку возвращения.

«Что мы сделаем?» Я спрашивал. «Есть только одна вещь, которую мы можем сделать», мой отец ответил, «и это пойти на юг». Соответственно, он повернул судно, дал ему полный риф, и стартовал по компасу на север, но, фактически, на юг. Ветер был силен, и мы, казалось, вплыли в поток, который бежал с замечательной стремительностью в том же самом направлении.

Только через сорок дней мы достигли Delfi, город, который мы посетили в компании с нашими гидами Жюлем Гальдеой и его женой, около устья реки Gihon. Здесь мы остановились в течение двух дней, и были наиболее гостеприимно развлечены теми же самыми людьми, которые приветствовали нас на нашем бывшем посещении. Мы взяли некоторую дополнительную провизию и снова отправились в плавание, следуя по стрелке на север.

В нашей поездке направленной наружу мы проникали через узкий пролив, который, казалось, был отделяющей массой воды между двумя значительными пластами земли. Был красивый пляж с правой стороны от нас, и мы решили разведать. Бросив якорь, мы сошли на берег, чтобы отдохнуть в течение дня прежде, чем продолжить опасное обязательство направленное наружу. Мы развели огонь и бросили несколько палок сухого сплавного леса. В то время как мой отец шел по берегу, я подготовил заманчивую трапезу из провизии, которую мы обеспечили.

После завтрака мы начали во внутреннем туре по исследованию, но не ушли далеко, когда мы увидели некоторых птиц, которых мы признали сразу принадлежащий семейству пингвинов. Они — бескрылые птицы, но превосходные пловцы и огромные

в размере, с белой грудью, короткими крыльями, черной головой, и длинными отроконечными клювами. Они были полностью 2,7 метров высотой. Они смотрели на нас с небольшим количеством удивления, и теперь ковыляли, а не шли, к воде, и отплыли в северном направлении.

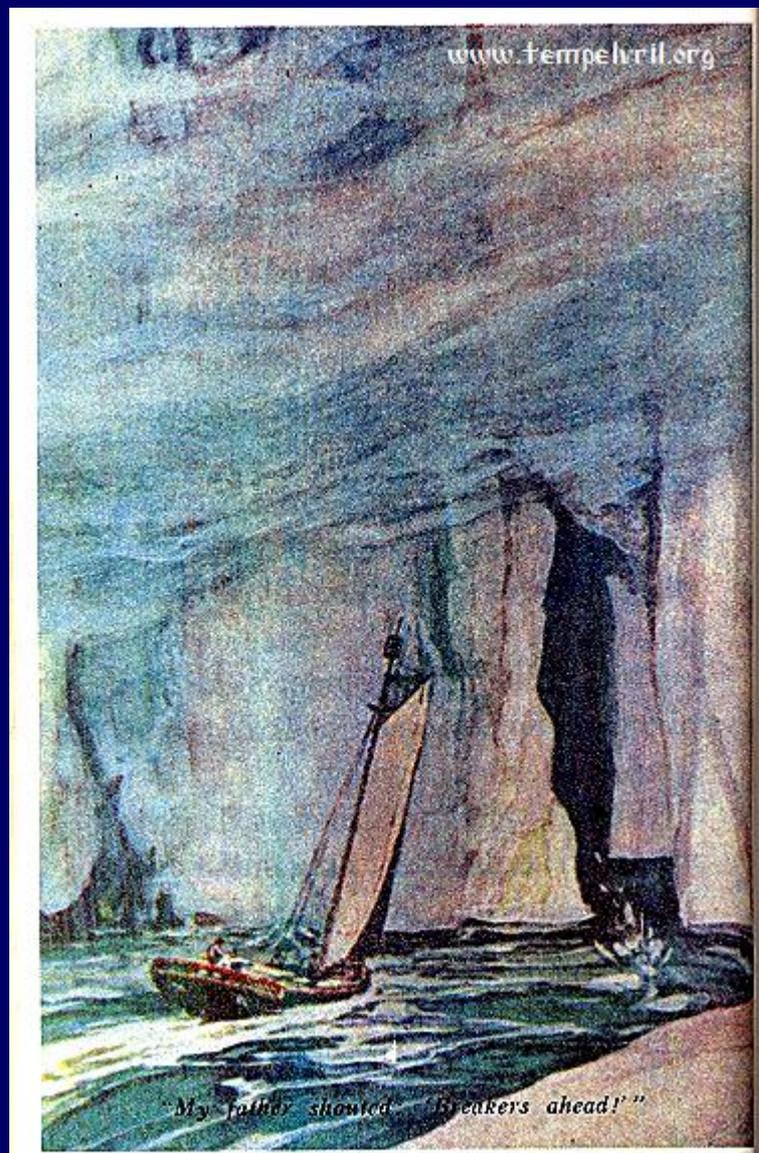
События, которые произошли в течение следующей сотни или больше дней, превосходят описание. Мы были в открытом и чистом ото льда море. Был месяц, который мы считали ноябрем или декабром, и мы знали, что так называемый Южный полюс был направлен к солнцу. Поэтому, проходя наружу и прочь от внутреннего электрического света «Дымчатого Бога» и его приветливой теплоты, мы были бы встречены светом и теплотой солнца, сияющего через южное отверстие земли. Мы не ошибались.

Наконец мы осознали, что атмосфера становилась решительно более холодной, и, несколько дней спустя, айсберги были увидены далеко слева. Мой отец утверждал, и правильно, что ветры, которые заполнили наши паруса, прибыли из теплого климата «внутри». Время года было, конечно, самым благоприятным для нас, чтобы сделать наш рывок во «внешний» мир и попытки вынести наш рыбацкий шлюп через открытые проливы замороженной зоны, которая окружает полярные области.

Однажды когда я лениво просматривал в сторону от шлюпа в чистые воды, мой отец кричал: «Айсберги впереди!» Посмотрев, я видел через поднимающийся туман белый объект, который возвышался несколько сотен футов высотой, полностью закрывая наш продвижение. Мы немедленно опустили парус, и совершенно не скоро. Через мгновение мы были втиснутыми между двумя чудовищными айсбергами. Каждый давил и размалывал другую гору льда. Они походили на двух богов войны, борющихся за превосходство. Мы были очень встревожены. Действительно, мы были между линиями генерального сражения; звучный гром льда размола походил на длительные залпы артиллерии. Куски льда, больше чем дом, часто поднимались сто футов могущественной силой бокового давления; они дрожали бы и качались бы туда и сюда в течение нескольких секунд, затем спускались, терпя крах вниз с оглушительным ревом, и исчезали в пенящихся водах. Таким образом, больше двух часов, соревнование ледяных гигантов продолжалось.

Казалось, как будто конец пришёл. Ледяное давление было потрясающим, и в то время как мы не были пойманы в опасной части пробки, и были в безопасности в настоящее время, все же совершение вертикальных колебаний и раздираание тонн льда, как он падал, плещась тут и там в водяные глубины, наполняли нас дрожащим страхом.

Наконец, к нашей большой радости, размол льда прекратился, и в течение нескольких часов большая масса, медленно разделилась, и, как будто действие провидения было совершено, прямо перед нами лежал открытый канал. Мы должны рискнуть с нашим небольшим судном в этом промежутке? Если бы давление продвинулось снова, то наш небольшой шлюп так же как мы сами был бы сокрушен в небытие. Мы решили рискнуть, и, соответственно, подняли наш парус к благословенному бризу, и скоро стартовали как скаковая лошадь, бегущая через неизвестный узкий канал открытой воды.

Часть пятая.

Среди глыб льда.

В течение следующих сорока пяти дней наше время использовалось в уклонении от айсбергов и поисках каналов; действительно, без сильного южного ветра и маленькой лодки, я сомневаюсь, возможно, ли что эта история, когда-либо давалась миру.

Наконец, наступило утро, когда мой отец сказал: «Мой сын, я думаю, что мы должны увидеть дом. Мы почти прошли через лед. Смотри! открытая вода находится перед нами».

Однако, было несколько айсбергов, которые плавали далеко к северу в открытой воде все еще перед нами с обеих сторон, простираясь далеко на многие мили. Непосредственно перед нами, и по компасу, который теперь исправил себя, указывая север, было открытое море.

«Какая замечательная история, которую мы должны рассказать людям Стокгольма», продолжал мой отец, в то время как вид извинительного восторга освещал его честное лицо. «И думай о золотых самородках, упакованных в трюме!» Я сказал добрые слова похвалы моему отцу, не только за его силу духа и выносливость, но также и за его смелость как исследователя, и за то, что он сделал путешествие, которое теперь обещало успешный конец. Я был благодарен, также, что он собрал богатство золота, которое мы везли домой.

Наша лодка упала назад на айсберг, который к этому времени перевернулся, изменив сторону, обращённую к нам наверх. Мой отец был все еще в лодке, запутавшись в корабельных снастях, в то время как я был брошен на расстояние приблизительно в 6 метров.

Я быстро встал на ноги и кричал своему отцу, который ответил: «Все хорошо». Именно тогда осознание пришло до меня. Ужас на ужасе! Кровь застыла в моих венах.

Айсберг был все еще в движении, и его большой вес и сила в поворота заставят его погрузиться временно. Я полностью понял то, что это произведет всасывающий водоворот среди масс воды на каждой стороне. Они должны помчаться в понижение во всей их ярости, как волки с белыми клыками, стремящиеся к человеческой добыче.

В этот высший момент умственного мучения я помню, что гляжу на нашу лодку, которая лежала на боку, и спрашиваю себя, можно ли это исправить, и может ли мой отец освободиться. Действительно ли это конец нашей борьбы и приключений? Это смерть? Все эти вопросы пронеслись в голове в доли секунды, и мгновение спустя я был занят борьбой смерти и жизнью. Тяжелый монолит льда опустился ниже поверхности, и холодные воды булькали вокруг меня во взбешенном гневе. Я был в кессоне, с водами, вливающимися на каждой стороне. Ещё момент и я потерял сознание.

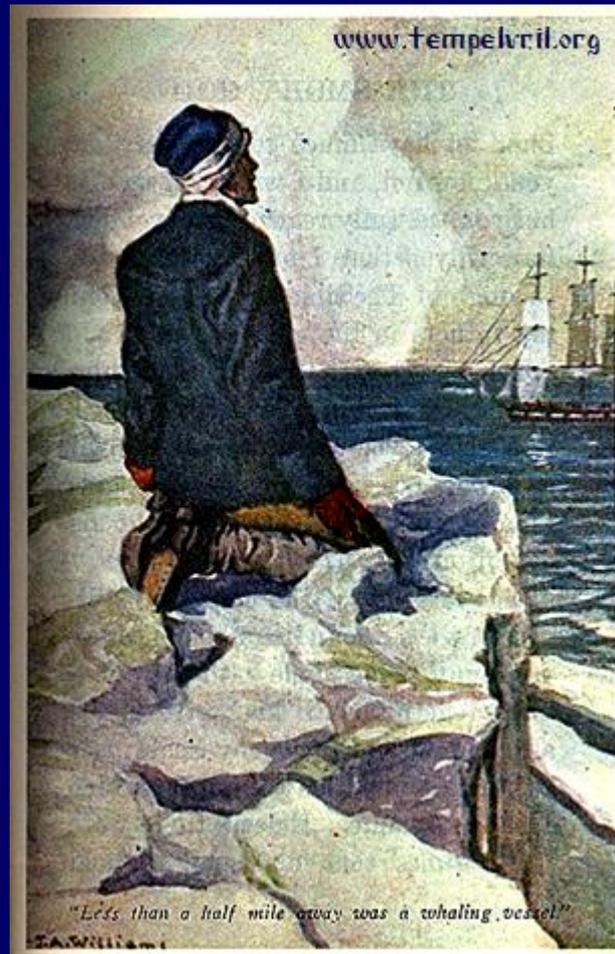
Я подполз близко к крутой стороне айсберга, и всматривался далеко вниз, надеясь, все еще надеясь. Потом я сделал круг по айсбергу, просматривая каждый метр пути, и таким образом я продолжал делать круг за кругом. Одна часть моего мозга, конечно, становилась маниакальной, в то время как другая часть, я верю, и делаю по сей день, была совершенно рациональна.

Я ощущал то, что сделал круг дюжину раз, и в то время как одна часть моего ума знала, в полном благоразумии, что не было остатка надежды, другое некоторое странное захватывающее отклонение околдовывало и заставляло меня все еще обманывать себя ожиданием. Другая часть моего мозга, казалось, сказала мне, что не было никакой возможности у моего отца остаться живым, еще, если бы я оставил кругной обход, если бы я сделал паузу в течение единственного момента, то это было бы признание поражения, и, сделав это, я бы сошёл с ума. Таким образом, час за часом я шел круг за кругом, боясь остановиться и отдохнуть, и все же физически бессильный продолжать намного дольше. О! ужас ужасов! быть выброшенным в этом широком пространстве вод без еды или питья, и только предательский айсберг для постоянного места. Мое сердце упало внутри меня, и все подобие надежды исчезало в безысходном отчаянии.

Затем рука Освободителя была протянута, и смертельная неподвижность одиночества, быстро становящегося невыносимым, была внезапно сломана выстрелом сигнального оружия. Я посмотрел в пораженном изумлении, и увидел, на расстоянии меньше чем в одну полумиллю, китобойное судно, направляющееся ко мне с его полным комплектом парусов.

Я нашел, что это было шотландское китобойное судно, «Арлингтон.» Оно разгрузилось в Данди в сентябре, и немедленно стартовало в Антарктику, в поисках китов. Капитан, Ангус Макпэрсон, казался любезно расположенным, но в вопросах дисциплины, как я скоро узнал, одержимый железной волей. Когда я попытался сказать ему, что я прибыл из «внутренней части» земли, капитан и помощник посмотрели на друг друга, покачали головами, и настояли на том, чтобы я был помещен в койку под строгим наблюдением врача судна.

При заключительном достижении Стокгольма, я нашел, что моя милая мать пошла к своей награде за более чем год до этого. Я также уже сказал, как, позже, предательство родственника посадило меня в сумасшедший дом, где я оставался в течение двадцати восьми лет; по-видимому бесконечные годы — и еще позже, после моего освобождения, как я возвратился к жизни рыбака, после этого усердно в течение двадцати семи лет, затем я приехал в Америку, и наконец в Лос-Анджелес, Калифорния. Но все это может быть малоинтересным для читателя. Действительно, кажется мне, кульминационный момент моих замечательных путешествий и странных приключений был достигнут, когда шотландский парусник взял меня с айсберга в Антарктическом Океане.

Часть шестая.

Заключение.

В заключении этой истории моих приключений я хочу заявить, что я твердо полагаю, что наука находится ещё в ее младенчестве относительно космологии земли. Там есть так много всего неучтённого принятым знанием в мире сегодня, и будет когда-либо оставаться так, пока земля «Дымчатого Бога» не известна, и не признана нашими географами.

Это — земля, откуда появились большие бревна кедра, которые были найдены исследователями в открытых водах далеко по северному краю корки земли, и также тела мамонтов, кости которых найдены на обширных пластах на сибирском побережье.

Северные исследователи сделали много. Сэр Джон Франклин, Де Аван Гриннелл, сэр Джон Мюррей, Кэйн, Мелвилл, Зал, Хансен, Schwatka, Greely, Пири, Росс, Gerlache, Bernacchi, Andree, Amsden, Амундсен и другие все стремились штурмовать замороженную цитадель тайны.

Я твердо полагаю, что Andree и его два храбрых компаньона, Strindberg и Fraenckell, которые летели на воздушном шаре «Орёл» от северо-западного побережья Spitzbergen в то воскресенье днем от 11 июля 1897 (от переводчика: по сведениям Википедии, найдены мёртвыми в 1930 году), находятся теперь во «внутреннем» мире, и несомненно развлекаются, как моего отца и меня самого развлекала мягкосердечная гигантская раса, населяющая внутренний Атлантический Континент.

Сэр Джеймс Росс утверждал, что обнаружил магнитный полюс приблизительно в семидесяти четырех градусах широты. Это является неправильным — магнитный полюс — точно на половине расстояния через корку земли. Таким образом, если корка земли составляет триста миль в толщине, которая является расстоянием, которое я оцениваю, как правильное, тогда магнитный полюс несомненно на сто пятьдесят миль ниже поверхности земли, не имеет значение, где тест сделан. И в этом особом пункте на сто пятьдесят миль ниже поверхности, сила тяжести прекращается, становится нейтрализованной; и когда мы проходим далее того пункта к «внутренней» поверхности земли, обратное притяжение геометрически увеличивается в мощности, пока другие сто пятьдесят миль расстояния не пересечены, что вывело бы нас на «внутреннюю часть» земли.

Таким образом, если бы отверстие пробурили вниз через корку земли в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Чикаго, или Лос-Анджелесе, на расстояние трехсот миль, то это соединило бы две поверхности.

Циркуляция земли в ее ежедневном акте кружения вокруг в ее спиральном вращении — при уровне, больше чем одна тысяча миль каждый час, или приблизительно семнадцать миль в секунду — делает из неё электрогенерирующее тело, огромную машину, могущественный опытный образец маленьким человеком сделанным динамо, которое, в лучшем случае является всего лишь слабой имитацией оригинала природы.

Долины этого внутреннего Континента Атлантиды, ограничивающие верхние воды самого дальнего севера находятся в сезон, покрытыми самыми великолепными и обильными цветами. Не сотни и тысячи, но миллионы акров (от переводчика: 1 акр = 0,405 гектара), от которых пыльцу или цветки несут далеко в почти каждом направлении спиральные циркуляции земли и возбуждение ветра, дующего оттуда, и

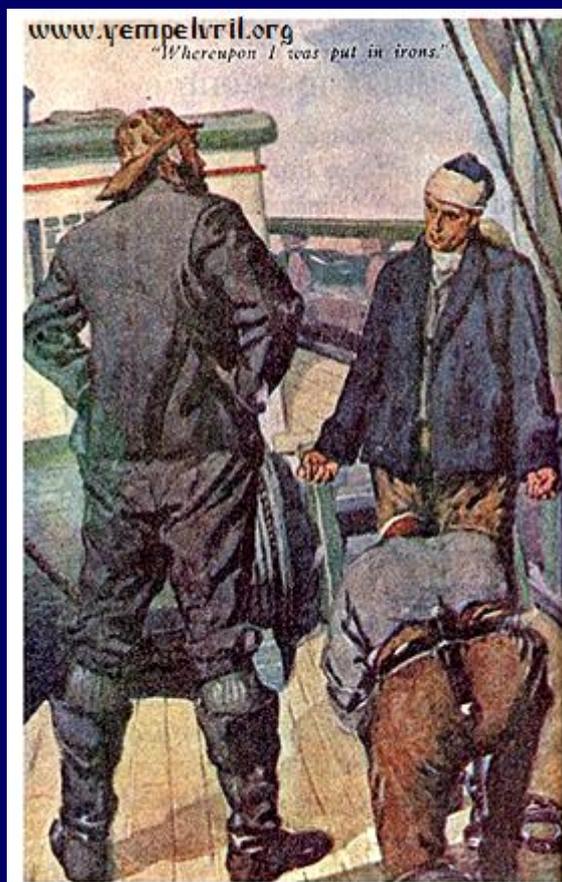
это — эти цветки или пыльца от обширных цветочных лугов «внутри» производят цветные снега Арктики, которые так мистифицировали северных исследователей.

Вне всякого сомнения, эта новая земля «внутри» является домом, колыбелью человеческого рода, и рассматриваемая с точки зрения открытий, сделанных нами, должна по необходимости иметь самую важную опору на все физические, палеонтологические, археологические, филологические и мифологические теории старины.

Та же самая идея вернуться к земле тайны — к самому началу — к происхождению человека — найдена в египетских традициях более ранних земных областей богов, героев и людей, из исторических фрагментов Manetho (от переводчика: (3-ье столетие до н.э)), египетский священник. Он написал историю Египта с мифических времен к 323 году до нашей эры, в которой он произвольно разделил последовательность правителей, известных ему в тридцать династий, расположение, которое все еще сопровождается, полностью проверенного хронологическими записями, взятыми от более свежих раскопок Помпей так же как традиций североамериканских индейцев.

Сейчас один час ночи новый год 1908 здесь, и это — третий день года, и наконец заканчиваю отчет моих странных путешествий и приключений, которые я желаю дать миру, я готов, и даже тоскую, по мирному отдыху, который я уверен, будет следовать за испытаниями жизни и превратностями. Я стар в годах, и испытал приключения и печали, все же богат с немногими друзьями, которых я цементировал ко мне в моей борьбе, чтобы провести справедливую и честную жизнь. Как история, которая почти рассказана, моя жизнь отстывает. Предчувствие сильно внутри меня, что я не доживу до восхода солнца. Таким образом я завершаю свое сообщение.

Олаф Янсен.

Часть седьмая.

Послесловие автора.

Я нашел большую трудность в расшифровке и редактировании рукописей **Олафа Янсена**. Однако я брал на себя смелость восстановления только очень немного выражений, и в выполнении этого никоим образом не изменил дух или значение. Другими словами, к оригинальному тексту не было ничего добавлено и не было убрано.

Для меня невозможно выразить мое мнение относительно ценности или надежности замечательных заявлений, сделанных **Олафом Янсом**. Описание, здесь данное чужих стран и людей, которых он посещает, местоположение городов, имена и направления рек, и другая информация которая здесь объединена, соответствует наброскам, данным в мое заключение этим старым скандинавом, какие рисунки вместе с рукописью это — мое намерение в некоторой более поздней дате, передать Смитсоновскому институту, сохранить в пользу заинтересованных тайнами **«Самого дальнего Севера»** — замороженного круга тишины. Бесспорно, что есть много вещей в ведической литературе, в **«Джозефусе»**, **«Одиссее»**, **«Илиаде»**, **«Ранней Истории китайской Цивилизации»**, Терриана де Лакупери **«Астрономических Мифах»**

Фламариона, «Началах Истории», Ленормэнта, «Теогонии» Гесиода, письмах сэра Джона де Мондевилла, и «Отчетах Прошлого», Сейса что, по меньшей мере, находится странно в гармонии с на вид невероятным текстом, найденным в желтой рукописи старого скандинава, Олафа Янсена, и теперь впервые дано миру.

Конец.

www.tempelvril.org

www.tempelvril.org